

численными струйками засочилась въ разохшіеся пазы и достигла пожара въ совершенно смѣшномъ количествѣ. Всѣ лошади были въ ночномъ, и кромѣ обязательной пожарной пары, не на чемъ было съѣздить на рѣку. Тогда стали качать изъ ближняго колодезя. Но цѣпь изъ десятка ведръ какъ будто только раздражила пламя и оно свирѣпѣло съ каждой минутой. Оторопѣвшій староста бѣгалъ вокругъ пожара и расточалъ приказанія, на которыя никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія... Власть Карявый догадался притащить багоръ. Человѣкъ пять ухватились за него и съ усердіемъ зацѣпили за пылающія бревна; но послѣ перваго же усилія, крюкъ соскочилъ съ рычага и безслѣдно потонулъ въ пламени. Тогда вспомнили, что есть и еще багры, но когда приближали за ними въ сарай, то нашли ихъ нигде негодными.

Да и тушили-то пожаръ только хозяева горѣвшихъ строеній да окольные жители. Всѣ остальные разбѣжались по своимъ дворамъ и выносили пожитки, выводили скотину, выгружали изъ амбаровъ припасы, вывозили телѣги и сохи. По всему селу кипѣла суматоха. Ворота неистово скрипѣли; тамъ и сямъ звенѣли стекла разбиваемой въ торопяхъ рамы. Бабы бѣгали и метались въ безумномъ отчаяніи и переполняли улицу надрывающей голосьбою.

Варя остановилась въ толпѣ. Она какими-то неподвижными глазами смотрѣла на сцену пожара и стояла точно застывшая. Волосы ея распустились; плейфъ висѣлъ клочьями; камелии осыпались... Она же ничего не примѣчала и, до боли стиснувъ руки, смотрѣла и слушала неотступно. Она смотрѣла, какъ люди черными и рѣзко очерченными силуэтами копошились вокругъ огня, какъ они вбѣгали на дворы и тащили оттуда коровъ, тупо поведившихъ огромными глазами, сгоняли овецъ, тѣснившихся въ дикомъ недоумѣніи; какъ изъ занимавшихся строеній выползалъ дымъ мутными волнами и багровымъ столбомъ клубился въ вышинѣ; какъ голуби кружились и взмывали въ испугѣ, трепеща огненными крыльями... Она глядѣла, какъ отбивали рамы изъ оконъ, влѣзали въ избы, выкидывали оттуда дерюгу, сундучишко съ различной рухлядью, потемнѣвшую икону, скамью, всю изнизанную тараканами... Она вслушивалась въ ноющій гулъ набата, въ оглушительный трескъ пламени, побѣдоносно взвивавшагося къ небесамъ... Беспорядочные крики, ревъ ополоумѣвшей скотины, горькіе вопли бабъ, торопливое скрипѣніе бочекъ, холодный лязгъ желѣзныхъ ведеръ, безсильные всплески воды, — все это ходило около нея грозными волнами, и переполняло ея душу